

3. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 85.
4. Там же.
5. Маркарян Э. С. Указ. соч. С. 5.
6. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 2002. С. 402.
7. Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. С. 292.
8. Маркарян Э. С. Указ. соч. С. 87.
9. Чистов К. В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 105.
10. Гофман А. Б. Традиции и инновации в современной России. М., 2008. С. 63.
11. Думава К. Н. Влияние новых традиций на формирование личности. М., 1970. С. 4.
12. Гофман А. Б. Традиции и инновации в современной России. С. 66.
13. Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. СПб., 1998. С. 5–6.

КУЗНЕЦОВА Т. И.

ГОРОД КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

По мнению О. Шпенглера, угасающая культура Запада должна уступить место только еще формирующейся «русско-сибирской» культуре. Концепция русско-сибирской цивилизации О. Шпенглера является незаконченной, но имеющей право на существование.

Культура осуществляется в социальном пространстве и времени, и они как формы существования высшей реальности – человеческого общества – определяют, по мнению нашего сибирского философа Н. С. Коноплёва, материальную культуру, выступают способом ее реализации. Внутренний мир личности становится продолжением мира внешнего, в котором живет человек.

В философии пространство и время выступают как предельно обобщенные понятия, в которых схватываются структурная организованность и изменчивость бытия. Многомерность и динамизм, способность пространства быть закрытым и открытым, сочетать историческую преемственность, непрерывность и дискретность, способность влиять на формирование человека, личности, – данные характеристики культурного пространства позволяют воспринимать его как живой организм, который пульсирует, дышит, растет, развивается, изменяется, обладает «пористой структурой», что дает возможность сохранять его реликтовые пласты и обновляться за счет появления новых культурных слоев.

Культурное пространство России предполагает и его региональность, поскольку региональные культурные пространства и

составляют специфику архитектоники культурного пространства России. Восточная Сибирь всегда вносила свой вклад в общероссийскую культуру.

Город рассматривается нами как главная скрепа культурного пространства Восточной Сибири. Важным в понимании города является его образ. Сибирские исторические города, эти «островки цивилизации» (И. Зиверс, Ф. Страленберг), выступают наиболее устойчивым системообразующим элементом в формировании социокультурного духовного пространства, способствующего духовному обновлению человека, формируют социокультурную неповторимость открытой личности сибиряка.

Девять поселений Приангарья обладают статусом «исторический». Иркутск является жемчужиной в этом списке.

350-летний, старинный купеческий Иркутск имеет свой «образ», свою особую городскую культуру, которая запечатлелась и в его старинной планировке, в его постройках. Город предстает перед нами в образах «каменной и деревянной летописи», «открытой книги», но ни одно из имен не подходит ему в полной мере, ибо не может описать всю глубину его смысла. Это один из городов, который почти полностью сохранил свою планировочную структуру, уникальные каменные здания и памятники деревянного зодчества, которые на протяжении последнего десятилетия продолжают уничтожаться, гореть с подозрительной периодичностью, разрушаться от старости. Между тем иностранные туристы порой с восхищением рассматривают даже полусторевшие доходные дома иркутских купцов, а люди искусства из других регионов не устают восхищаться их уникальностью.

Искусство города есть реальность, равно относящаяся к жизненной среде и отвлеченной культуре. Своей чувственной конкретностью, внешностью художественные произведения принадлежат среде, а способностью ощутимо выражать события и состояния духовной жизни – культуре.

Понимание города как пространства жизнедеятельности возникает в результате «встречи» объективной и субъективной реальности. Искусство города – многовековое, созданное многими зодчими – воздействует на личность повседневно и сильно.

Духовные состояния личности, переживаемые во время эстетического контакта, включают в себя и память о прошлых переживаниях, и ожидание будущих. Среда, являющаяся предметным воплощением образа жизни сибиряка, обладает формирующим воздействием на стиль жизнедеятельности (во всех ее сферах), в том числе и семейной.

Город как феномен возникает подобно художественному произведению из индивидуального образа мастера, из идеи, лаконично наполненной определенным смыслом, идеи, которая впоследствии наполняет ландшафтную пустоту и организует культурное и социальное пространство-время города.

Иркутск еще в XVIII в. стал центром научно-литературного движения в регионе, здесь сложилась активная группа местной интеллигенции: краеведы, летописцы, литераторы (Н. Полевой, Н. Шукин, И. Калашников, Е. Авдеева-Полевая и др.), которые отражали историю и реальную жизнь, традиции, верования, мысли и переживания сибиряков. Все это было закономерным результатом общественных отношений и развития культуры региона. Мы ищем у иностранцев описание России, а не пользуемся своими родными источниками. Первый труд иркутянки Е. А. Авдеевой-Полевой «Записки и замечания о Сибири. С приложением старинных русских песен» был тепло встречен читателями. Критики отмечали наблюдательность автора, ее глубокое знание патриархального народного и купеческого быта, ясность и выразительность языка. Не случайно уже после публикации этого произведения Авдееву стали называть первой сибирской писательницей. Многие материалы о жизни Екатерины Авдеевой сохранились благодаря открытому в 1997 г. в Иркутске «Гуманитарному центру – библиотеке имени семьи Полевых».

В сибирском городе творчески работало замечательным путешественникам, геологам, археологам, историкам и географам: Г. Шелихову, В. Обручеву, А. Окладникову, Н. Герасимову и мн. др.

В XX в. Иркутск стал колыбелью таких знаменитых кинодраматургов и писателей, как М. Ромм и Л. Гайдай, А. Вампилов и М. Сергеев, В. Распутин, В. Хайрюзов и мн. др.

Культура сибиряка формировалась путем наследования и усвоения навыков, обычаев, норм поведения, знаний и традиций русской культуры, которые были выработаны, функционировали и реализовывались в соответствующих условиях Восточной Сибири.

Дав человеку словесный язык, абстрактное мышление одарило его возможностью культурного развития. Только в семье человек обладает способностью передавать по наследству приобретенные качества.

В Иркутском педагогическом колледже № 2 служила преподавателем физики Мацуева Вера Альбертовна; сама прекрасная пианистка, она смогла воспитать замечательного внука, пианиста с мировым именем Дениса Мацуева.

Духовность определяется смысложизненными ценностями, которые предполагают содержание человеческого бытия. Каждый раз в историческом времени и пространстве человек открывает и определяет их важность для себя заново.

Частью сибирской культуры стали такие традиционные областные события, как «Декабристские вечера», «Дни духовности и сияния русской культуры», «Дни города», «Выходные дни семьи в музее», «Фестивали молодежных театров, посвященных творчеству А. Вампилова» и мн. др. Ценность практически-духовной деятельности как сферы культуры оформляет внутренний мир человека, приводит его в соответствие с самим собой и в состояние равновесия с окружающей социальной и природной средой, благодаря чему формируется самосознание, становящееся предпосылкой выявления личностного начала в индивидуе.

Каждой культуре, по мнению О. Шпенглера, отмерен определенный срок развития (около тысячелетия). Культура рождается в тот момент, когда пробуждается и отслаивается новая душа культуры. При наступлении старости культура переходит в форму цивилизации. Цивилизация, таким образом, выступает у Шпенглера как противоположность культуре, ассоциируется с бездушным интеллектом. Цивилизация есть инвариант любой культуры, ее логическое следствие, завершение, состояние энтропийного угасания развивающейся культуры.

Душа культуры живет не сама по себе, а лишь в душах людей. Когда материальное благоустройство жизни поглощает человека целиком, то на культуру уже не остается душевных сил. Утрачивается чувство родины, чувство общности.

Сибиряк перестает существовать в своих прежних устойчивых чертах: все, что формировала природа, отдаленность, самообеспечение, даже некоторый консерватизм – все мало-помалу приобретает общее выражение. Сегодня Сибирь перестала быть отдаленной неизвестной землей.

Изменения, произошедшие в мире на рубеже XX–XXI вв., заставляют переосмыслить феномен города и роль горожан в нем. Цивилизации, в отличие от пространственно локализирующей себя культуры, свойственна экспансия, пространственное расширение. Тенденция к расширению – нечто демоническое и чудовищное, охватывающее позднего человека эпохи мировых городов, заставляющее его служить себе независимо от того, хочет ли он этого или не хочет, знает ли он об этом или нет.

Город придает социальную окраску пространству и времени. За счет этого создается новая организация пространства, приводящая к ускорению социально-культурного развития. Городские жители ежедневно вращаются в различных жизненных сферах, стараясь успеть все сделать вовремя. Каждый из них по-разному переживает время. Город сжимает индивидуальное время горожан, вплетая его в контекст событийности. Событие есть столкновение социального пространства и времени, рождение социального хронотопа. Социальное время задает определенный ритм жизни и меняет городское пространство.

Вместо народа жизненным субстратом цивилизации становится масса, лишенная корней и традиций, людей дисциплинированных и не «гениальных», практичных и рациональных жителей большого города.

Отчуждение от «деревенской родни» деформирует духовную жизнь личности и ее ценностно-смысловое содержание. Сознательный отказ от своего родного деревенского языка и стремительное желание освоить чужой городской привело к стремлению как можно скорее «вписаться» в новую среду, приобщиться к культуре нового места жительства или «влииться» в нее, принимая ее ценности и смыслы, или стать маргиналом [83, с. 137–138].

«Должен признаться и я в грехе: было время, когда я, смущенный университетом, образованием, стал стыдиться своего деревенского языка, считать его несовременным...», – вспоминал о себе наш земляк, писатель В. Г. Распутин [126, с. 506].

Психологический стресс, состояние «завораживающего покоя», «феномена аутизма» (Н. Бердяев), равнодушия к окружающим как стратегической линии в поведении – «переваривает» вчерашних жителей деревни в горожан.

Чем ускореннее развивается цивилизация, тем менее благоприятны предпосылки для нормальных проявлений естественной склонности к социальному поведению. Человек изменяет окружающую среду со скоростью, превышающую скорость эволюционной адаптивности. Одной из ведущих тенденций развития живых систем, по мнению Н. Н. Моисеева, является стремление в наибольшей степени использовать энергию внешней среды, уменьшая тем самым свою локальную энтропию.

В своем обыденном поведении в условиях сибирского города человек продолжает ориентироваться на стандарты вещного производства и расширяющегося потребления, на технокомфорт и технокультуру.

Переход от культуры к цивилизации, по мнению О. Шпенглера, означает переход от творческих порывов к бесплодию, от развития к «окоченению». Люди стремятся уже не к возвышенным идеалам, а к утилитарным целям и благоустройству жизни.

Становление информационного общества и информационной культуры нивелирует профессиональные различия между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми. Коммуникативная функция формирует новый тип городского жителя – медиагорожанина. Образ жизни нового горожанина не укладывается в традиционные рамки распорядка дня и ночи. Он полностью зависим от мультимедийных электронных средств коммуникации и средств массовой информации. Новый горожанин не замечает города, он не привязан к конкретному месту, он мобилен. Социокультурное пространство города теряет единый центр. Понятие «центр» приобретает «плавающий» характер. В основе взаимодействия сибирского города сегодня лежит сетевой характер. «Сеть» не нуждается в центре, а роль города сводится к перераспределению информационных потоков и капитала. Информационное пространство стало синонимом социального пространства сибирского города и служит благодатной почвой для развития новых электронных форм коммуникации.

В этих условиях информационного и коммуникационного пространства-времени мужчине все сложнее поддерживать стандарт традиционной мужской роли – «мужчины-кормильца». Социальные достижения требуют от него исключительной цепкости, напористости, жесткости, способности компенсировать профессиональные недостатки, формировать новые навыки и умения, самостоятельно «прибавлять» в квалификации.

Неустойчивость, подвижность повседневного уклада жизни, многообразие социальных практик – специфические черты культурной атмосферы городов Прибайкалья.

Сибирь: богатая бедность, широкая узость, ликующая неприютность; край, то ли весь из прошлого, то ли из будущего, но не из настоящего. По словам В. Распутина, чем бы ни стала Сибирь, она продолжает оставаться спящим великаном, материком огромных неиспользованных сил, земель про запас.

Преимущественно смешанный характер (городского и деревенского, занятие сельскохозяйственным трудом на дачных участках) образа жизни является особенностью бытовой составляющей сибирской семьи. Многочисленный частный сектор, значительная доля которого не оборудована ни водой, ни канализаци-

ей, старинные разрушающиеся дома и современные офисы из стекла и бетона, иномарки последних моделей и автомобильные пробки на разбитых дорогах – вот неотъемлемая часть повседневной жизни сибирского города.

Условность этой картины оказывается в значительной степени зависимой от психологических стереотипов, традиционно используемых людьми в их обыденном поведении и мышлении. Кажущаяся естественность этих представлений лишь скрывает отсутствие практически освоенных людьми и ясно ими осмысленных форм, обеспечивающих внутреннюю связность и воспроизводимость.

Социальная картина жизни современной сибирской семьи в городе оказывается недоопределенной, недоцивилизованной, наблюдается размытость, противоречивость городского образа жизни и наличие в нем элементов сельского, что консервирует русскую традиционную культуру сибиряка.

В связи с развивающимися процессами глобализации остро стоит проблема формирования духовной основы личности в условиях Прибайкальского региона.

Возрастающая скорость жизненных ритмов и многообразие социальных связей усложняют возможность целостного понимания окружающего мира.

Здесь мы соглашаемся со словами известного российского философа В. С. Степина о том, что никакой цивилизации не бывает вне культуры, как не бывает тела живого организма без свойственной этому организму генетической информации.

Единство и неповторимое своеобразие сибирской цивилизации определяется лежащей в ее основе уникальной «душой культуры». Эта первооснова не сводима к разуму. Именно поэтому так трудно постигнуть внутренний мир представителей этой культуры, понять, что чувствуют эти люди. Душа культуры находит внешнее выражение в искусстве, мышлении и деятельности. Такие внешние проявления, как искусство и особенности народной жизни, меняющиеся по ходу развития культуры, – это как бы выражение лица сибирской культуры.

Система ценностей и мировоззренческих ориентиров составляет своего рода «культурную матрицу», нечто вроде генома культуры, который обеспечивает воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях. Эта матрица выражена пониманиями того, что есть человек, природа, человеческая деятельность, власть и господство, совесть, честь, труд и т. п.

Взаимодействие культуры и размытости, недоцивилизованности социального пространства сибирского города – это взаимоотношения между духовной и «технократической» тенденциями в развитии сибирского социума, которые обуславливают особенность гендерных взаимоотношений в сибирском регионе и проявляются в их недоопределенности, двойственности, в «гендерной асимметрии», состоянии хаоса.

Сибирскую цивилизацию можно рассматривать как устойчивую социокультурную организованность и недоцивилизованность социального бытия. Открытое духовное пространство способствует становлению духовной основы семейных взаимоотношений, элементами которого являются традиции, ментальность. Совокупность информационно-коммуникативных факторов приводит к развитию социального пространства-времени.

Город рассматривается нами как особое социокультурное пространство. Гармония этой неопределенности в условиях сибирской городской среды в длительной исторической перспективе может спасти семью и человечество от угрозы самоуничтожения.

Литература

1. Барулин В. С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии / В. С. Барулин. – М. : Онега, 1994. – 256 с. – (Программа «Обновление гуманитарного образования в России»).
2. Буева Л. П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Вопр. философии. – 1996. – № 2. – С. 16–18.
3. Гаджиев К. Г. Этюды о тоске человечества по времени // Вопр. философии. – 2009. – № 3. – С. 18.
4. Генисаретский О. И. Художественные ценности в структуре образа жизни и окружающей среды / О. И. Генисаретский. – М. : ГБЛ, 1985. – 144 с.
5. Коноплев Н. С. Принцип детерминизма как методологическая основа гуманитарных наук: Содержание детерминации гуманитарных наук / Н. С. Коноплев. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 320 с.
6. Лихачев Д. С. Раздумья / Д. С. Лихачев. – М. : Дет. лит., 1991. – 336 с.
7. Любимова Т. Б. Явное вдали, скрытое вблизи // Единство классического искусства и современность / Т. Б. Любимова. – М., 1988. – С. 199.
8. Орлова Э. А. Социокультурное пространство обыденной жизни [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.contries.ru/library/antropology/orlova/index.htm>.
9. Пригожин И. П. Сетевое общество // Социс. – 2008. – № 1. – С. 24–27.
10. Распутин В. Г. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе / В. Г. Распутин – Иркутск : Изд. Сапронов, 2007. – 528 с.
11. Распутин В. Г. Что в слове, что за словом? Очерки, интервью / В. Г. Распутин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. – 336 с.
12. Тойнби О. Закат Европы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.aha.ru/~andrew_r/spengler/index.htm.
13. Янкова З. А. Городская семья / З. А. Янкова. – М. : Наука, 1979. – 184 с.